
СТРАШНЫЕ
СКАЗКИ
НИК НИЛ
18+

Ник Нил
Страшные сказки

https://litres.ru/75008772
SelfPub; 2026

Аннотация

Вы думали, сказки — для детей? Эти — нет.

В этом сборнике Баба-яга живёт в панельной пятиэтажке и заманивает мальчиков пирожками, Дюймовочка правит подземным царством мёртвых, а Колобок оказывается чьими-то глазами. Знакомые сюжеты вывернуты наизнанку: здесь нет добрых волшебниц — есть голодные, одинокие и очень уставшие существа. Они не злые. Они просто очень давно не были собой. И они ждут, когда вы зайдёте.

Сказки, от которых стынет кровь и становится страшно от того, как легко узнать в чудовищах себя. Читайте на свой страх. Особенно если вам кажется, что вы уже взрослые и ничего не боитесь.

Содержание

Вступление	5
Сказка о том, как Ваня в лес пошел	9
Сказка о девочке, которая не боялась волка	13
Сказка про Бабу-ягу, костяную ногу	18
Сказка про Алёнушку и братца Иванушку	22
Сказка про Серого Волка	28
Сказка про Колобка	33
Сказка про Красную Шапочку	39
Сказка про семерых козлят	44
Сказка про Машу и Медведя	49
Сказка про Золотую Рыбку	54
Сказка про Лешего	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Страшные сказки

Вступление

Вы думаете, что знаете сказки. Конечно, знаете. Вам читали их в детстве. Про Бабу-ягу, которая ест детей. Про волка, который съел бабушку. Про Колобка, который укатился. Вы слушали и думали: «Какие глупости. Какие страсти. Хорошо, что это неправда».

А что, если я скажу вам, что это правда? Только не совсем такая, как вам рассказывали.

Баба-яга не живёт в лесу. Лес вырубили. Она живёт в панельной пятиэтажке, на четвёртом этаже, и заманивает мальчиков пирожками. Волк не ест бабушек — он забирает тех, кто перестал бояться, и делает из них гусей. Колобок не катится по дорожке — он лежит в ладонях слепого старика и плачет, потому что старик не видит, какой он красивый. А Дюймовочка не выходит замуж за эльфа. Она остаётся под землёй, с кротом, и её глаза больше не видят света.

Я не выдумал эти истории. Я их собрал. По кусочкам. Из старых книг, из детских страхов, из того, что люди рассказывают шёпотом, когда думают, что никто не слышит. Я ходил по деревням, по городам, по подъездам и подвалам. Я слушал. И записывал.

То, что вы держите в руках, — не сборник сказок. Это дверь. Каждая история — ключ. Каждый персонаж — тот, кого вы когда-то знали. Может быть, это ваша бабушка. Мо-

жет быть, ваш сосед. Может быть, вы сами. Особенно если вы одиноки. Особенно если вы голодны. Особенно если вы очень, очень давно не были собой.

Не бойтесь. Они не злые. Они просто забыли, как это — быть живыми. И они ждут. Всегда ждут. Кто-нибудь зайдёт. Кто-нибудь останется. Кто-нибудь накормит. Или наоборот.

Вы можете закрыть книгу и поставить её на полку. Ничего не случится. Вы просто забудете. А можете открыть. И тогда помните: тот, кто читает сказки, — сам становится сказкой. Рано или поздно. Особенно если читает до конца.

Я предупредил. Дальше — ваше дело.

СТРАШНЫЕ
СКАЗКИ
НИК НИЛ
алиса ai

алиса ai

Сказка о том, как Ваня в лес пошел

Жила-была на краю деревни семья: мать, отец и сын Ваня. Было Ване двенадцать лет, и был он мальчиком непослушным: что ему ни скажут — всё наоборот сделает.

Как-то раз мать говорит:

— Ваня, сходи в лес за грибами, только к реке не ходи, там глубоко.

Ваня кивнул, взял корзину и пошёл. И, конечно, сразу свернул к реке.

Река была тёмной и тихой, как смола. У берега стояли старые ивы, и их ветви свисали в воду, будто чьи-то длинные пальцы. Ваня шёл по берегу, смотрел на воду и вдруг увидел: плывёт по реке кукла. Кукла была старая, тряпичная, с нарисованными глазами. Глаза у неё были закрыты.

Ваня протянул руку, чтобы достать куклу, — и кукла открыла глаза.

Они были не нарисованные. Они были живые. И смотрели прямо на него.

Ваня отшатнулся, а кукла сказала тонким голоском:

— Иди за мной, Ваня. Бабушка ждёт.

И поплыла по реке против течения. А Ваня, сам не понимая почему, пошёл за ней по берегу. Шёл, шёл, и лес вокруг становился всё темнее, и деревья скрипели, будто шептались за спиной.

Река привела его к глухому месту, где стояла избушка. Избушка была на курьих ножках — но ножки не были куриными. Они были человеческими. Большие, с обломанными ногтями, они переступали с места на место, и земля под ними чавкала.

Кукла вылезла из воды и заковыляла к избушке. Ваня хотел убежать, но ноги не слушались.

Дверь избушки открылась.

На пороге стояла Баба Яга. Но не такая, как в книжках — не горбатая старуха. Она была высокая, костлявая, в длинной рубахе, и лицо у неё было гладкое, как у молодой, а глаза — без белков, чёрные, как два колодца. Из колодцев на Ваню смотрела тьма.

— А-а, — сказала она. — Пришёл. Я тебя давно жду, Ванюша. С той самой ночи, как ты у меня на печи спал.

Ваня похолодел. Он никогда у неё не спал. Он вообще никогда её не видел.

— Не помнишь? — усмехнулась Баба Яга. — Маленький был. Три годика. Мать тебя в лес за ягодами взяла, ты и потерялся. Я тебя нашла, на печь положила, отогрела. А потом... — она облизнула губы, — передумала есть. Мягкий больно. Решила подождать. Пусть, думаю, подрастёт. Вкуснее будет.

Ваня попятился. Кукла стояла сзади и улыбалась.

— А теперь, — Баба Яга шагнула с порога, — ты большой. И я голодная.

Она подняла руку — и Ваня увидел, что пальцы у неё

длинные, с суставами, как у паука.

— Мама! — закричал Ваня. — Мамочка!

Баба Яга засмеялась — а смех у неё был сухой, как треск сучьев в костре.

— Мама не услышит, — сказала она. — Здесь никто не слышит. Здесь только я и те, кто уже... — она обвела рукой лес, — ...остался.

И тут Ваня увидел их. За деревьями стояли дети. Много детей. Они не двигались, не плакали. Просто стояли и смотрели на него. У них были такие же закрытые глаза, как у куклы. И улыбки.

Баба Яга подошла вплотную. От неё пахло сырой землёй и старой кровью.

— Не бойся, — прошептала она. — Я тебя не съем сразу. Я тебя сначала на печь посажу. Подержу. Пусть мясо... настоится. Как яблоко.

Она взяла его за руку. Рука у неё была холодная и мокрая, как лягушка.

И Ваня понял: он не вернётся домой.

А в деревне мать вышла на крыльцо, посмотрела в сторону леса и долго стояла, вглядываясь в темноту. Потом тихо сказала, ни к кому не обращаясь:

— Опять не вернулся. Как в тот раз, в три года.

Она вздохнула, зашла в дом и закрыла дверь на засов.

А в лесу, у самой реки, тряпичная кукла снова поплыла

по воде — искать следующего.

Сказка о девочке, которая не боялась волка

В одной деревне жила девочка по имени Аля. Было ей десять лет, и была она до того храброй, что даже взрослые удивлялись: гроза гремит — Аля на крыльцо выходит смотреть; собака чужая лает — Аля руку протягивает погладить. Мать ей говорила:

— Аля, не ходи одна в лес. Там волк.

Аля смеялась:

— Ну и что? Я его не боюсь.

Однажды зимой, в самый короткий день, когда солнце так и не поднялось толком над лесом, Аля взяла санки и пошла кататься с горки за околицей. Каталась, каталась — и не заметила, как стемнело. А когда подняла голову, деревни не было видно. Только лес стоял стеной, и снег шёл такой густой, что не разобрать, где небо, где земля.

Аля пошла было обратно — и поняла, что не помнит, откуда пришла. Следы замело.

Она шла по лесу, и снег скрипел у неё под валенками. Вокруг было тихо. Слишком тихо — даже вороны не каркали. И вдруг она услышала: кто-то идёт за ней. Шаг в шаг. Хруст, хруст, хруст.

Аля обернулась.

На тропе стоял волк. Большой, серый, с жёлтыми глазами. Он не рычал. Он просто стоял и смотрел на неё.

— Здравствуй, — сказала Аля.

Волк склонил голову набок.

— Ты не боишься? — спросил он. Голос у него был хриплый, как будто он давно не говорил.

— Нет, — сказала Аля. — А должна?

— Все боятся, — сказал волк. — Я для этого и есть. Чтобы боялись.

Он подошёл ближе. Снег под его лапами не скрипел — он проваливался, как в воду.

— Пойдём, — сказал волк. — Я тебя провожу. Тут недалеко.

Аля пошла за ним. И чем дальше они шли, тем страннее становился лес. Деревья делались всё выше, а между ними начали появляться вещи: чьи-то варежки, повешенные на сучья; детский валенок, торчащий из сугроба; кукла без головы, сидящая на пне.

— Это чьё? — спросила Аля.

— Это тех, кто боялся, — сказал волк. — Они бежали. А бежать в лесу нельзя. Я догоняю тех, кто бежит. А тех, кто идёт рядом... — он замолчал.

— Что с теми, кто идёт рядом?

— Увидишь, — сказал волк.

Наконец они вышли на поляну. Посреди поляны стоял дом. Большой, тёплый, с освещёнными окнами. Из трубы

шёл дым, и пахло хлебом.

— Вот, — сказал волк. — Твой дом. Иди.

Аля посмотрела на дом — и не узнала его. Это был не её дом. Её дом был маленький, с покосившимся крыльцом, а этот стоял крепко, и окна у него были такие яркие, что глазам больно.

— Это не мой дом, — сказала Аля.

— Теперь твой, — сказал волк. — Ты же не испугалась. А кто не испугался — остаётся. Навсегда.

И тут Аля заметила: в окнах дома стоят дети. Они смотрели на неё и улыбались. И улыбки у них были слишком широкие. А двери дома были заперты снаружи — тяжёлым железным засовом.

— Я не хочу оставаться, — сказала Аля. — Я хочу домой.

— Поздно, — сказал волк. — Ты уже здесь. Здесь все, кто не боялся. Мы их бережём. Чтобы никто не убежал.

Он обошёл её кругом, и Аля увидела, что тень у него не такая, как надо: тень была длинная, и на конце её был человек. Маленький, сгорбленный человечек на поводке из тени.

— Беги, — вдруг прошептал человечек. — Если хочешь жить — беги. Он не догонит. Он может идти только за теми, кто идёт сам. А если побежишь — он отстанет.

Волк зарычал и дёрнул тень — человечек замолчал.

И Аля побежала.

Она бежала через лес, не разбирая дороги, и слышала за спиной хруст, хруст, хруст — но всё тише, тише, тише. А

потом хруст прекратился. И она выбежала на околицу своей деревни — растрёпанная, в снегу, без санок.

Мать выбежала навстречу, схватила её, заплакала:

— Где ты была?! Я думала, тебя волк съел!

Аля долго молчала. А потом сказала:

— Нет. Он не ест. Он забирает.

С тех пор Аля в лес одна не ходила. И другим детям говорила: не бойтесь волка — но и не ходите к нему. Потому что волк не тот, кто кусает. Волк — тот, кто ждёт, чтобы ты перестал бояться.

А в лесу, на поляне, в доме с яркими окнами, дети всё стоят у стёкол и улыбаются. И ждут, когда кто-нибудь ещё придёт. Потому что места в доме много. И засов на двери заперт снаружи.

алиса ai

Сказка про Бабу-ягу, костяную ногу

В одной деревне, у самого леса, жила-была старуха. Звали её все просто — Яга. Никто не помнил, откуда она пришла и сколько ей лет. Говорили, что она однажды вышла из леса, когда ещё бабки нынешних стариков были девчонками, и с тех пор живёт на отшибе, ни с кем не разговаривает.

Одну ногу у неё не любили. Нога была не такая, как другая: тонкая, сухая, обтянутая кожей да костью, и когда Яга шла, она стучала — тук, тук, тук, — как палка по полу. Дети за спиной шептали: костяная нога, костяная нога. А взрослые отводили глаза.

Держала Яга козу. И каждое утро, чуть свет, выводила её на опушку пастись. Сама садилась на пенёк, и смотрела в лес, и молчала. Иногда пела — тихо, без слов, на одной ноте. От этого пения у людей, что мимо шли, мороз шёл по коже, и они ускоряли шаг.

Был в деревне мальчик, Федька. Было ему девять лет, и был он из тех, кто всё хочет знать. Как-то раз поспорил он с ребятами, что пойдёт к Яге и спросит у неё, откуда у неё костяная нога.

— Не ходи, — говорили ребята. — Она тебя съест.

— Не съест, — сказал Федька. — Она старая.

И пошёл.

Яга сидела на своём пеньке и смотрела, как коза щиплет траву. Федька подошёл и встал перед ней. Она подняла на него глаза — а глаза у неё были светлые, почти белые, как у рыбы.

— Чего тебе? — спросила она.

— Бабушка, — сказал Федька, — а почему у тебя нога костяная?

Яга долго молчала. Потом сказала:

— Сядь.

Федька сел на траву.

— Давно это было, — начала Яга. — Я тогда молодой была. Красивой. — Она усмехнулась. — Не веришь? И правильно. Красота — она быстро уходит. А я тогда в лесу жила, с мужем. Он охотником был. Хороший был человек, только жадный. Всё ему мало было дичи, всё хотелось больше.

Она замолчала, погладила костяную ногу.

— Пошли мы как-то зимой в лес. Далеко зашли, дальше, чем надо. И напал на нас зверь. Не волк, не медведь — такого зверя я больше никогда не видела. Чёрный, длинный, без глаз. Муж его из ружья — а пули его не берут. Он мужа моего... — Яга снова замолчала. — А меня за ногу схватил. И отгрыз.

Федька охнул.

— Как же ты выжила?

— А вот так, — сказала Яга. — Кое-как до дома доползла.

Меня потом бабка одна выходила, травница. Ногу-то не вернёшь, а жизнь — вернула. Она мне эту костяную и сделала. Из кости зверя того. Чтобы, говорит, помнила.

Она подняла на Федьку белые глаза:

— И знаешь, что я тебе скажу, мальчик? Все эти годы люди меня боялись. Думали, я детей ем. А я никого не съела. Ни одного. Я просто... — она вздохнула, — я просто одна. Муж мой там остался, в лесу. Зверь тот, может, до сих пор ходит. А я сижу тут, козу пасу, и жду.

— Чего ждёшь? — спросил Федька.

— Не знаю, — сказала Яга. — Может, смерти. Может, кого-нибудь, кто не побоится подойти. Как ты.

Она вдруг улыбнулась — и улыбка у неё была не страшная, а просто старая, усталая.

— Иди домой, мальчик. И передай своим: Яга не ест детей. Яга просто старуха с костяной ногой. И ей бывает очень скучно.

Федька встал, отряхнул штаны и пошёл. Уже на опушке он обернулся. Яга сидела на пеньке и смотрела ему вслед. И в белых её глазах было что-то такое, от чего Федьке стало не по себе — не страх, а жалость.

С тех пор Федька иногда заходил к Яге. Приносил хлеба, молока. Она его не ела. Она поила его чаем из трав, которые сама собирала, и рассказывала про лес: где какие ягоды растут, где тропы, куда ходить нельзя. И про зверя чёрного рассказывала — чтобы Федька знал и близко не подходил.

А ребятам Федька сказал:

— Не костяная у неё нога. А просто деревянная. И вообще — она добрая.

Ребята не поверили. Но с тех пор шептаться за спиной перестали. А Яга всё сидела на пеньке, стучала по тропинке костяной ногой — тук, тук, тук — и ждала. Только теперь ей было не так скучно: раз в неделю к ней приходил мальчик с хлебом и молоком.

А зверь чёрный, безглазый, всё ещё ходит по лесу. Только далеко, в самой глухомани, куда ни Федька, ни другие деревенские не заходят. И Яга это знает. Потому и сидит на опушке каждый день — смотрит в лес. Чтобы, если зверь пойдёт к деревне, успеть предупредить.

Вот и вся сказка. А ты, если в тот лес пойдёшь, — слушай: тук, тук, тук. Это не зверь. Это Яга идёт. Не бойся её. Бойся тишины.

Сказка про Алёнушку и братца Иванушку

Жили-были на краю большого леса брат и сестра — Алёнушка и Иванушка. Родителей у них не было, только избушка с покосившимся крыльцом да корова-кормилица. Алёнушка была старше, ей уже двенадцать минуло, а Иванушке — семь. И был он мальчик шустрый, любопытный, но беда у него была: пил он всё, что под руку попадётся, — из лужи, из ручья, из старого ведра, забытого у колодца.

Алёнушка ему говорила:

— Иванушка, не пей где попало. Не пей.

Иванушка кивал, а потом всё равно пил.

Как-то раз летом пошли они в лес за земляникой. Солнце палило, тропинка вилась между соснами, и у Иванушки так пересохло в горле, что он готов был и болотную воду вылакать.

Шли они, шли и вышли на поляну. А посреди поляны — копытце. Не козье, не лошадиное. Большое, серебряное, вросло в землю до половины. А в копытце вода стоит — чистая, как слеза, и так и блестит на солнце.

— Иванушка, не пей! — закричала Алёнушка. — Это не простое копытце! Чьё-то оно!

Но Иванушка уже припал к воде и выпил до дна.

И в ту же секунду согнулся он пополам, упал на землю — и обернулся козлёнком. Белым, с серебряным копытцем на правой передней ножке. Стоит, смотрит на Алёнушку круглыми глазами и блеет жалобно:

— Ме-е-е...

Алёнушка заплакала, обняла козлёнка — а он тёплый, дрожит весь. Взяла его на руки и понесла домой.

С тех пор так и жили: Алёнушка — в избе, козлёнок — с ней. Спал он у печки, ел из её рук, и ни на шаг от неё не отходил. Только не мог сказать ей самого главного: что вода была не простая, а от копыта того, кто в том лесу хозяином ходит. И что тот, кто воду выпил, — уже не свой, а его.

А в лесу, в самой чащобе, жил Чернобородый — старик страшный, с бородой до земли, чёрной, как сажа, и глазами, как угли. Говорили, что когда-то он был пастухом, да пас не овец, а человечьи души, и за это лес его к себе забрал. Теперь он собирал тех, кто воду из его копытца пил. Иванушка был его.

Через неделю постучал Чернобородый в дверь Алёнушкиной избы. Она открыла — и отшатнулась: стоит на пороге старик высокий, борода до земли, и от него холодом веет, как из погреба.

— Отдай козлёнка, — сказал он. — Он мой.

— Не отдам, — сказала Алёнушка.

— Отдай по-хорошему. Я его не обижу. Он у меня в лесу

жить будет, в холе да в сытости. Ему у тебя тесно.

— Не отдам, — повторила Алёнушка и дверь закрыла на засов.

Чернобородый постоял, постоял и ушёл. Только с тех пор стала Алёнушка замечать: по ночам кто-то ходит вокруг избы. Тяжёлые шаги, хруст веток, и бормотание такое тихое, что слов не разобрать, а жутко.

А козлёнок по ночам не спал. Сидел у окна и дрожал.

На третью ночь Чернобородый пришёл не один. Алёнушка проснулась от того, что козлёнок блеет — тонко, отчаянно. Вскочила, выглянула в окно — а вокруг избы стоят козлы. Много. Белые, с серебряными копытцами. Стоят и смотрят на окна. А за ними, в темноте, Чернобородый с посохом.

И тут козлёнок Иванушка обернулся к сестре и вдруг заговорил — хрипло, через силу, будто слова из него тянули:

— Алёнушка... он не отстанет... он всех забирает... тех, кто пил... — Он запнулся, и из глаз у него потекли слёзы. — Я сам виноват. Не пей, говорила... Прости меня...

— Не прощу, — сказала Алёнушка. — Потому что не за что прощать. Ты мой брат. И никуда я тебя не отдам.

Она вышла на крыльцо — в одной рубахе, босиком, простоволосая. И крикнула в темноту:

— Чернобородый! Выходи!

Он вышел. Огромный, в чёрном тулупе, с бородой до земли.

— Отдай козлёнка, — сказал он. — По-хорошему.

— А ты отдай всех остальных, — сказала Алёнушка. — Всех, кого ты забрал. Отпусти их.

— Они мои, — сказал Чернобородый. — Сами пили. Сами виноваты.

— А ты их не заставлял? — спросила Алёнушка. — Ты копытце в лесу поставил. Ты воду налил. Ты знал, что жарко будет, что пить захочется. Ты их ловил, как рыбу на блесну. А теперь говоришь — сами виноваты?

Чернобородый замолчал. И в тишине Алёнушка услышала, как вокруг избы козлы переступают копытами, и блеют тихо, и в этом блеянии будто человечьи голоса: «мама», «домой», «пить».

— Отпусти их, — сказала Алёнушка. — Или я тебя прокляну. У нас, у сирот, проклятья крепкие. Нам терять нечего.

Чернобородый засмеялся — а смех у него был как скрип несмазанной телеги.

— Проклянёшь? Меня? Да меня сам лес проклял, и то живу.

— А ты попробуй, — сказала Алёнушка. — Я в церковь пойду, свечку поставлю, и скажу, что ты детей забираешь. Всей деревней на тебя пойдём. С вилами да с огнём. Лес-то твой, да деревня рядом. Сожжём лес — где ты жить будешь?

Чернобородый перестал смеяться.

Он долго смотрел на неё — девчонку босую, в рубахе, с растрёпанными волосами. А она стояла прямо и не отводила

глаз.

— Хитрая, — наконец сказал он. — Вся в бабку. — Он вздохнул. — Ладно. Забирай своего козлёнка. Но остальные — мои. Пили — значит, мои.

— Остальных отпусти, — сказала Алёнушка. — Или я не одна приду. Я с вилами приду.

Чернобородый постоял, постоял, потом стукнул посохом оземь. И козлы вокруг избы начали оборачиваться. Вставали на задние ноги, вытягивались, и вот уже не козлы, а люди — дети, взрослые, старики. Стоят, озираются, будто спросонья.

— Идите, — сказал Чернобородый. — Все идите. — И добавил тихо, только для Алёнушки: — А ты, девочка, запомни: лес не прощает. Я тебе козлёнка отдал. Но воду мою ты всё равно не забудешь. Придёшь ещё.

Он ушёл в лес, и козлы за ним ушли — те, что не обернулись, самые старые. А люди пошли по домам. Кто в деревню, кто в соседнюю.

А козлёнок Иванушка остался козлёнком. Вода Чернобородого снимается только с того, кто сам её отдаст, а он не мог.

Так и живут они: Алёнушка и козлёнок. Она его поит из ковша, который сама вырезала, и воду ту берёт только из колодца, освящённого. А козлёнок спит у печки и по ночам не дрожит больше.

Только иногда, в жаркий день, когда солнце печёт и пить

хочется, выходит Иванушка на двор, смотрит в сторону леса — и стоит долго, не двигаясь. А потом отворачивается и идёт к колодцу.

Алёнушка это видит и молчит. Потому что знает: лес не прощает. И Чернобородый своего не отдаст. Он просто ждёт. Ждёт, когда Иванушка забудет, что говорила сестра. И снова напьётся.

Вот и вся сказка. А ты, если в лес пойдёшь, — не пей из копытца. Ни из какого. Даже если очень хочется. Даже если вода чистая. Особенно если вода чистая.

Сказка про Серого Волка

Сказка про Серого Волка

Жил-был на свете Серый Волк. Не тот волк, что в сказках — злой да голодный, который бабушек ест. А другой. Настоящий. Жил он в лесу, в норе под корягой, и было у него одно горе: он был очень одинок.

Днём он спал, а ночью выходил и садился на холм. И выл. Не от голода — от тоски. Вой у него был длинный, протяжный, и от него у людей в деревне за спиной бегали мурашки. Люди крестились и говорили:

— Опять волк воет. Быть беде.

А беды никакой не было. Была просто тоска.

Однажды зимой, в самый лютый мороз, Серый Волк нашёл в лесу мальчика. Мальчик сидел под ёлкой, обхватив колени, и плакал. Был он маленький, лет шести, в рваном тулупчике, и от него шёл пар — так он замёрз.

Волк подошёл. Мальчик поднял голову, увидел волка — и не закричал. Только глаза у него сделались круглые.

— Ты кто? — спросил он.

— Волк, — сказал Серый Волк. — А ты?

— Петька. Я заблудился. Я за хворостом пошёл и заблудился.

Волк понюхал его. Мальчик пах молоком, хлебом и страхом. Страх был острый, как железо, но под ним было ещё что-то — тёплое.

— Пойдём, — сказал Волк. — Я тебя выведу.

И повёл его через лес. Шёл впереди, а мальчик — за ним, спотыкаясь в снегу. Шли долго. Мальчик падал, вставал, снова падал. Тогда Волк лёг в снег и сказал:

— Садись.

— На тебя?

— Садись, не бойся. Я тёплый.

Мальчик сел ему на спину, ухватился за шерсть — и Волк понёс его. И было мальчику тепло, и пахло от волка снегом и мхом, и почему-то сделалось спокойно.

На опушке Волк остановился.

— Вон твоя деревня. Иди.

Мальчик слез, постоял, переминаясь.

— А ты... ты придёшь ещё?

— Приду, — сказал Волк. И ушёл в лес.

С тех пор Петька стал ходить на опушку. Каждый вечер — как стемнеет. И Волк приходил. Сидели они на поваленном дереве: мальчик с краю, волк рядом. Мальчик рассказывал, как его бабка ругает за порванные штаны, как отец пьёт, как в школе бьют. Волк слушал. Он ничего не говорил, потому что не умел утешать словами. Но он слушал — и от этого мальчику становилось легче.

А по ночам Волк всё так же выл на холме. Только теперь в его вое было меньше тоски. Потому что теперь у него был кто-то, кто его ждал.

Но в деревне прознали. Кто-то увидел, как Петька ходит к лесу. И пошли разговоры:

— Мальчонка-то к волку бегает!

— К волку?! Да он его съест!

— Не съел ещё. Но съест. Волк — он и есть волк.

Мужики взяли вилы и топоры и пошли в лес. Петька бежал впереди и кричал:

— Не трогайте его! Он добрый! Он меня спас!

Но его не слушали.

Нашли они Волка на холме — он сидел и смотрел на деревню. Увидел людей с топорами, встал. Не побежал. Просто стоял.

— Ну что, — сказал старший мужик, — попался, серый?

Петька бросился между ними:

— Не трогайте!

— Отойди, дурак! — Мужик оттолкнул его.

И тут Волк заговорил. Голос у него был хриплый, низкий, но слова — человеческие:

— Я не тронул ни одного из вас. Ни ребёнка, ни старика. Я живу в лесу двадцать лет, и за все эти годы не съел ни одной овцы. Я ем мышей, зайцев и кору. А вой мой, что вы по ночам слышите, — это я плачу. Потому что одному мне. Потому что вы все боитесь меня, а мне от этого только хуже.

Мужики опустили топоры. Переглянулись.

— Плачешь? — спросил старший. — Волк — и плачет?

— А что, — сказал Волк, — вам одним, что ли, плакать?

Петька подошёл к нему и обнял за шею. Волк вздрогнул — но не отстранился.

— Он мне как брат, — сказал Петька. — Он одинокий. Ему плохо. А вы со своими топорами.

Мужики постояли, почесали затылки и ушли. Старший, уходя, обернулся и сказал:

— Ты, это... Петька. Ты всё ж таки поосторожней. Волк — он волк.

— Он Серый, — сказал Петька. — И он мой друг.

С тех пор так и повелось. Петька ходит на опушку. Волк приходит. Сидят, молчат или разговаривают. По ночам Волк всё ещё воет на холме — но теперь в его вое есть что-то такое, от чего люди в деревне не крестятся, а улыбаются.

Потому что теперь у Серого Волка был друг. И хоть был он волком, а сердце у него было не волчье — просто оно было очень одиноким, а потом перестало.

Вот и вся сказка. А ты, если услышишь ночью вой в лесу, — не бойся. Это не беда идёт. Это просто кто-то одинокий поёт свою песню. Может быть, его стоит пожалеть. А может, и подойти.

Только сначала убедись, что он действительно Серый. И что он действительно одинокий. Потому что волки-то бывают разные.

алиса ai

Сказка про Колобка

Жили-были старик со старухой. Жили они бедно, и была у них одна радость — друг на друга смотреть. Детей у них не было. А под старость и того не стало: старик ослеп.

Сидел он на печи, слепой, и говорил:

— Старуха, испеки мне колобок. Хоть вспомню, как хлеб пахнет.

Старуха по амбарам помела, по сусекам поскребла — наскребла горсти две муки. Замесила тесто на сметане, слепила колобок круглый, румяный, и в печь посадила.

Испекла. Вынула. Положила на окно студиться.

А колобок — возьми да оживи. Открыл глаза, посмотрел по сторонам, скатился с окна на лавку, с лавки на пол — и покатился к двери.

— Ты куда?! — закричала старуха.

— К деду, — сказал Колобок. — Он же слепой. Кто ему расскажет, какой я красивый?

Подкатился к печи, взобрался на лежанку и говорит:

— Дедушка, я Колобок. Я румяный, круглый, горячий. Я только что из печи. Пахну хлебом и сметаной. Пощупай.

Старик протянул руки, взял Колобка, поднёс к лицу. Долго держал, гладил, нюхал.

— Тёплый, — сказал он. — И правда — как хлеб. Спасибо, старуха.

И заплакал. А Колобок лежал у него в ладонях и думал: вот оно, счастье. Кому-то нужен.

С этого дня Колобок остался в доме. Каждое утро старуха сажала его на окно, и он рассказывал старику, что видит: как петух ходит по двору, как солнце встаёт над лесом, как облака плывут. Старик слушал и улыбался.

Но Колобок был непоседлив. Ему хотелось посмотреть мир. И однажды он сказал:

— Дедушка, я пойду погуляю. Я вернусь и всё тебе расскажу.

Старик забеспокоился:

— Не ходи, Колобок. В лесу волк, медведь, лиса. Тебя съедят.

— Не съедят, — сказал Колобок. — Я быстрый. Я от всех уйду.

И покатился.

Катится Колобок по тропинке. Навстречу ему Заяц.

— Колобок, Колобок, я тебя съем!

— Не ешь меня, Заяц. Я не простой колобок, я живой. Меня старик со старухой испекли, а я ожил. Я им нужен. Старик слепой, я ему про мир рассказываю. Отпусти меня.

Заяц удивился:

— Слепой? — И задумался. — А знаешь, у меня дед тоже слепой. — Он почесал лапой за ухом. — Ладно, иди. Только

передай своему старику: пусть слушает, как лес шумит. В лесу тоже жизнь.

Покатился Колобок дальше. Навстречу ему Волк.

— Колобок, Колобок, я тебя съем!

— Не ешь меня, Волк. Я живой, я нужен.

— Кому ты нужен, круглый? Тебя и есть-то нечего — один хлеб.

— Старику нужен. Слепому. Я ему глаза.

Волк сел на хвост.

— Глаза, говоришь... — Он помолчал. — А знаешь, я тут вою по ночам. От тоски. Никто не подходит, все боятся. Вот если бы ко мне кто-то подошёл... — Он махнул лапой. — Ладно, катись. Только скажи своему старику: пусть не боится моего воя. Я не от злости. Я от одиночества.

Покатился Колобок дальше. Навстречу ему Медведь.

— Колобок, Колобок, я тебя съем!

— Не ешь меня, Медведь. Я нужен.

— Кому? — пробасил Медведь.

— Старику слепому. Я ему рассказываю, какое небо.

Медведь постоял, подумал.

— Какое небо-то? Я в берлоге полгода сплю, забыл.

— Синее, — сказал Колобок. — С облаками. Облака как вата.

Медведь вздохнул.

— Красиво. — И отступил. — Иди. Только передай старику: пусть весной, когда я из берлоги выйду, не пугается. Я

сонный, я добрый.

Покатился Колобок дальше. Навстречу ему Лиса.

— Колобок, Колобок, я тебя съем!

— Не ешь меня, Лиса.

— Почему это не есть? — Лиса облизнулась. — Ты румяный, красивый, вкусный.

— Я живой, — сказал Колобок. — Я думаю, говорю, помню. Если ты меня съешь, ты съешь не хлеб, а меня.

Лиса прищурилась:

— И что же ты помнишь?

— Я помню старика. Он слепой, и он меня гладил. Я помню, как пахнет печь. Я помню, как старуха плакала, когда меня пекла. Я помню, что я — Колобок. А ты меня съешь — и ничего этого не будет.

Лиса долго молчала. Потом сказала:

— Я всю жизнь ела тех, кто не думал. А тех, кто думал, — не попадалось. — Она отошла в сторону. — Иди. Только знаешь что... — Она улыбнулась, но не зло. — Ты, когда к старику вернёшься, расскажи ему про меня. Про то, что я тебя отпустила. Может, он мне тоже... ну... доброе слово скажет.

Вернулся Колобок домой. Закатился в избу, прыгнул на лежанку, к старику. Старик обрадовался, обнял его:

— Живой! Вернулся!

— Вернулся, дедушка. И знаешь что? Я тебе много че-

го расскажу. Про зайца, у которого дед слепой. Про волка, который воет от одиночества. Про медведя, который забыл, какое небо. Про лису, которая не съела меня, потому что я думаю.

Старик слушал и плакал. И старуха плакала. А Колобок лежал у деда на ладонях и думал: вот оно, счастье. Не то, что ты ушёл, а то, что ты вернулся — и тебя ждали.

С тех пор Колобок никуда не уходил надолго. Но каждое утро он выходил на крыльцо — и рассказывал всем, кто мимо шёл, про старика. Про то, что он слепой, но всё слышит. И звери приходили к дому — заяц, волк, медведь, лиса — и садились вокруг крыльца. И старик выходил к ним, и они разговаривали. И старик смеялся.

А по ночам волк всё так же выл на холме. Но теперь он выл не от тоски, а чтобы старик знал: он здесь. И старик слышал и улыбался.

Вот и вся сказка. А ты, если встретишь кого-то круглого, румяного и думающего, — не ешь его. Может, он кому-то нужен. Может, он чьи-то глаза.

алиса ai

Сказка про Красную Шапочку

Жила-была девочка, и все её звали Красной Шапочкой — за шапочку, которую ей подарила бабушка. Шапочка была красная, как кровь, и девочка её никогда не снимала.

Мать её была женщиной усталой и злой. Отца не было. Была только бабушка — старая, больная, живущая на другом конце леса. И каждую неделю мать отправляла девочку к бабушке: отнести хлеба, молока, лекарств.

— Иди через лес и не останавливайся, — говорила мать. — И не разговаривай с волками.

Красная Шапочка кивала и шла. Лес был тёмный, сосны стояли стеной, и в нём всегда было тихо. Слишком тихо.

Однажды, когда она шла по тропинке, из-за дерева вышел Волк. Большой, худой, с глазами, как угли.

— Здравствуй, Красная Шапочка, — сказал он.

— Откуда ты знаешь моё имя?

— Тебя все знают. Ты ходишь тут каждую неделю. Я давно за тобой наблюдаю.

Он обошёл её кругом, обнюхал корзину.

— Хлеб, молоко... И куда это ты так спешишь?

— К бабушке. Она больна.

— Больна, — повторил Волк. — Плохо. Очень плохо. — И улыбнулся. — А где живёт твоя бабушка?

Красная Шапочка не была глупой. Она знала, что нельзя

говорить. Но она так устала бояться, что сказала правду:

— В конце тропы. Дом с зелёной крышей.

— А-а, — сказал Волк. — Знаю. — И ушёл в лес.

Красная Шапочка пошла дальше. И всю дорогу ей было не по себе.

Волк пришёл к дому с зелёной крышей первым. Постучал.

— Кто там? — спросила бабушка.

— Это я, Красная Шапочка, — сказал Волк тонким голосом. — Принесла тебе хлеба и молока.

Бабушка была старой, но не глупой. Она знала, что Красная Шапочка не пришла бы раньше полудня, и знала, что голос у неё не такой. Но она была очень больна и очень устала жить. Поэтому она сказала:

— Дверь открыта. Входи.

Волк вошёл. Бабушка лежала на кровати и смотрела на него без страха.

— Ты волк, — сказала она.

— Волк, — согласился он.

— Ты пришёл меня съесть?

— Пришёл.

— Хорошо, — сказала бабушка. — Я устала. Но сначала скажи мне: зачем?

Волк сел у кровати.

— Я голоден, — сказал он. — Я живу в этом лесу, и здесь нечего есть. Люди рубят деревья, звери уходят. Я ем мышей,

кору, падаль. А тут ты — старая, больная, одна. Кому ты нужна?

— Никому, — сказала бабушка. — Кроме внучки.

— Вот и я говорю: никому. — Волк подался вперёд. — А внучка твоя придёт, и я скажу ей, что съел тебя. И съем её тоже. И буду сыт. И буду жить. А ты и так почти умерла. Так какая разница?

Бабушка долго молчала. Потом сказала:

— Разница есть. Я тебе вот что скажу, волк. Ты ешь тех, кто тебе не нужен. А я нужна. Красной Шапочке нужна. Матери её нужна — она хоть и злая, а без меня пропадёт. И ты, дурак, не понимаешь: съешь меня — и останешься один. Совсем один. Потому что Красная Шапочка тогда не придёт. А не придёт она — не придёт никто. И будешь ты сидеть в этом лесу и выть от тоски, пока не сдохнешь.

Волк замер.

— Врёшь, — сказал он, но как-то неуверенно.

— Я старая, — сказала бабушка. — Мне врать незачем. Я и так умру скоро. Мне бы только дождаться внучки. — Она посмотрела на Волка. — А ты... ты, может, тоже не совсем пропащий. Сядь. Подожди. Когда Красная Шапочка придёт, я скажу, что ты меня не тронул. И что ты голодный. Может, она тебе хлеба даст.

Волк сел. И стал ждать.

Красная Шапочка пришла через час. Открыла дверь — и

увидела: бабушка лежит на кровати, а у кровати сидит Волк. Она вскрикнула и выронила корзину.

— Не бойся, — сказала бабушка. — Он меня не тронул. Он голодный. Дай ему хлеба.

Красная Шапочка, дрожа, достала хлеб и протянула Волку. Волк взял хлеб, но есть не стал. Он вдруг опустил голову и сказал:

— Я хотел вас съесть. Обеих. Я так голоден, что готов был на всё. Но она... — он кивнул на бабушку, — она сказала, что я останусь один. И я понял, что она права. Я не хочу быть один. Я хочу... — он запнулся, — я хочу, чтобы кто-то приходил. Пусть даже с хлебом. Пусть даже просто так.

Бабушка усмехнулась:

— То-то же. — И добавила: — Будешь приходить. Будешь помогать мне по хозяйству. Дров наколешь, воды принесёшь. А я тебя за это кормить буду. Не мясом — хлебом, кашей. Согласен?

Волк посмотрел на неё. И кивнул.

Так и повелось. Волк приходил каждую неделю, колол дрова, носил воду. Красная Шапочка приносила хлеб и молоко — теперь на двоих. Бабушка не умерла: оказалось, что когда есть кому помочь, жить становится легче.

А лес... Лес перестал быть тихим. В нём теперь стучал топор, скрипела дверь, и по вечерам слышался волчий вой — но не тоскливый, а какой-то... домашний. Будто кто-то про-

сто говорил: я здесь. Я не один.

Вот и вся сказка. А ты, если пойдёшь через лес, — не бойся волка. Может быть, он голодный. Может быть, он злой. А может быть, ему просто нужно, чтобы кто-то пришёл с хлебом.

Только всё же не говори ему, где живёт твоя бабушка. На всякий случай.

Сказка про семерых козлят

Жила-была коза. Муж её ушёл в лес и не вернулся — осталась она одна с семью козлятами. Козлята были маленькие, шумные, и все на одно лицо: семеро белых, с серыми пятнышками, с разными голосами. Коза их любила так, что готова была за них жизнь отдать.

Каждое утро коза уходила в лес — за травой, за корой, за молоком для козлят. И каждое утро говорила одно и то же:

— Дверь никому не открывайте. Я приду и спою вам песенку. Вот эту:

Козлятушки, ребятушки,
Отворитеся, отопритеся.
Ваша мать пришла,
Молока принесла.

— Никому, — говорила она. — Даже если голос будет похож на мой. Даже если скажет, что это я. Поняли?

— Поняли! — кричали козлята хором. И тут же забывали.

А в лесу, в овраге, жил Волк. Он был старый, худой, с облезлой шерстью и одним ухом, откушенным в драке. Он не мог больше охотиться на оленей — слишком слаб. Оставались только козы. И он давно уже приметил дом, где жила коза с козлятами.

Однажды он подошёл к двери и запел — тонко, высоко,

подражая козе:

Козлятушки, ребятушки,

Отворитеся, отопритеся.

Козлята притихли. Старший, самый умный, сказал:

— Голос не мамин.

— Мамин, мамин! — закричали младшие. — Она устала, вот и хрипит!

И открыли дверь.

Волк вошёл. Козлята бросились врассыпную, но куда им было бежать? Он схватил одного — самого маленького, — и ушёл. Не съел на месте, а унёс в овраг — потому что был стар и слаб, и зубы у него уже не те, и ему нужно было время.

Коза вернулась. Увидела открытую дверь, перевёрнутую лавку, и шестерых козлят, дрожащих в углу. И поняла всё.

Она не плакала. Она спросила только:

— Кто открыл?

Младшие молчали. Старший сказал:

— Я. Я должен был не пускать. Я старший.

— Ты не виноват, — сказала коза. — Виновата я. Я вас не научила бояться.

Она пошла в овраг. Одна.

Волк сидел у входа в нору и облизывался. Увидел козу — удивился.

— Ты чего пришла? — спросил он. — Я тебя не звал.

— Отдай козлёнка, — сказала коза.

— Не отдам. Я голодный. Я старый, я не могу охотиться. Мне нужен этот козлёнок.

— Отдай, — повторила коза. — Или я тебя забодаю.

Волк засмеялся — а смех у него был хриплый, как кашель.

— Ты? Меня? Коза?

— Я не коза, — сказала коза. — Я мать. А мать страшнее волка.

И она бросилась на него.

Волк не ожидал. Он был стар, слаб, и рога у неё были острые. Он отскочил, но она наступала. Она бодала его, била копытами, и глаза у неё были такие, что Волк вдруг испугался — по-настоящему, впервые за много лет.

— Забирай! — закричал он. — Забирай своего козлёнка! Только отстань!

Козлёнок выбежал из норы. Коза подхватила его и повела домой. А Волк остался сидеть у оврага, зализывая раны.

Дома коза собрала всех семерых. Пересчитала — все на месте. И сказала:

— Я вам скажу то, что должна была сказать давно. Волк не страшный. Волк — голодный. И потому он хитрый. Он будет притворяться мной, он будет петь мою песню, он будет стучать в дверь и говорить, что принёс молока. Но вы должны помнить одно: я никогда, никогда не приду раньше срока. Я всегда прихожу, когда стемнеет. И голос у меня всегда один. Если кто-то стучит днём или говорит не моим голосом

— это не я. Это волк. И вы не открываете.

— А если он сломает дверь? — спросил старший.

— Тогда вы бежите, — сказала коза. — Бежите и кричите. Кричите так, чтобы весь лес слышал. Волк не любит шума. Волк любит тишину.

С тех пор так и повелось. Козлята выросли, но помнили. И когда в дверь стучали — днём ли, вечером ли, — они сначала спрашивали:

— Кто там?

И если голос был не мамин — не открывали. Даже если очень просили. Даже если обещали молока. Даже если говорили, что мама заболела и просила передать.

А Волк... Волк ушёл из тех мест. Говорят, он поселился в другом лесу, где не было коз, и доживал свой век, питаясь мышами и корой. И иногда, по ночам, выл — от тоски. Но в его вое не было злости. Была только старость.

Вот и вся сказка. А ты, если ты козлёнок, — не открывай дверь, когда стучат не вовремя. Даже если голос знакомый. Особенно если голос знакомый. Потому что волк — он не тот, кто рычит. Волк — тот, кто поёт твою песню.

И помни: мать всегда приходит, когда стемнеет. А если кто-то пришёл раньше — это не она.

ОБГОРЕВШЫЙ ГЛАЗ
ДЕТСКАЯ ПУГОВИЦА
алиса ai

Сказка про Машу и Медведя

Жила-была девочка Маша. Было ей лет десять, и была она из тех, кто всё делает по-своему. Мать скажет: «Маша, не ходи в лес» — Маша идёт в лес. Скажет: «Маша, не трогай» — Маша трогает. Не потому, что злая, а потому, что не верит на слово. Ей надо самой проверить.

Однажды летом пошла она с подружками в лес за малиной. Подружки набрали по лукошку и вернулись, а Маша зашла дальше — туда, где малина крупнее и слаще. Шла, шла, ела ягоды с куста и не заметила, как стемнело. А когда подняла голову — леса не узнала. Деревья стояли вокруг стеной, и все одинаковые, и тропинки не было.

Маша пошла наугад. Долго шла, пока не вышла на поляну. На поляне стояла избушка. Большая, крепкая, с резными наличниками. А из трубы шёл дым и пахло кашей.

Маша постучала. Никто не ответил. Она толкнула дверь — дверь открылась.

В избушке было тепло и чисто. На столе стоял горшок с кашей, на печи лежал тулуп. И было ещё что-то — Маша сначала не поняла, что. А потом увидела: в углу стояла кровать. Огромная. И на кровати лежала шкура. Медвежья.

Маша попятилась — и тут дверь за спиной закрылась.

На пороге стоял Медведь. Большой, бурый, с маленькими глазами. Он не рычал. Он просто стоял и смотрел на неё.

— Здравствуй, — сказал он.

Маша не удивилась, что медведь говорит. В лесу всякое бывает. Она удивилась, что голос у него вежливый.

— Здравствуй, — сказала она.

— Ты зачем пришла?

— Заблудилась.

— Заблудилась, — повторил Медведь. — Все вы заблуждаетесь. Ходите по моему лесу, собираете мою малину, шумите. А потом — заблудились. — Он вздохнул. — Ладно. Будешь жить у меня.

— Я домой хочу, — сказала Маша.

— Домой она хочет. — Медведь усмехнулся. — А кто тебе сказал, что я тебя отпущу?

Он подошёл ближе. Маша хотела отступить, но упёрлась спиной в стену.

— Ты будешь у меня жить, — сказал Медведь. — Будешь печку топить, кашу варить, избу прибирать. А я буду ходить в лес и приносить тебе мёд и ягоды. Хорошо тебе будет. Сыта, обута, одета. Только одно условие: из избы не выходить. Никогда.

— А если выйду?

— А если выйдешь, — сказал Медведь, — я тебя съем. Не потому, что злой. А потому, что так надо. Ты моя. Я тебя нашёл. А найденное — не теряют.

Маша осталась. Не потому, что согласилась. А потому, что

дверь была заперта, а окно — высоко.

Дни шли. Медведь уходил утром и возвращался вечером. Приносил мёд, ягоды, грибы. Маша топила печь, варила кашу, прибирала. И ждала.

Она не плакала. Она думала.

Однажды Медведь сказал:

— Я завтра пойду далеко. Вернусь через три дня. Оставлю тебе еды. Сиди, не выходи.

— Хорошо, — сказала Маша.

А сама уже придумала.

Она нашла в углу большой короб — из-под муки. Вытряхнула из него остатки, вымыла, вытерла. Потом напекла пирогов с ягодами, которые Медведь принёс. Сложила их в короб, а сверху села сама — и накрылась крышкой.

Когда Медведь вернулся, она постучала из короба и сказала:

— Медведь, а Медведь! Я тебе гостинцев напекла. Отнеси бабушке с дедушкой. Они старенькие, они ждут.

Медведь обрадовался:

— Хорошо, отнесу. — Взвалил короб на плечи. — Только ты смотри, не выходи.

— Не выйду, — сказала Маша из короба.

И Медведь понёс.

Он шёл через лес, а Маша сидела в коробе и потихоньку ела пироги. Потом она начала стучать по дну и говорить:

— Медведь, а Медведь! Далеко ещё?

— Далеко, — отвечал Медведь.

— А я тебя вижу! — говорила Маша. — Вижу, вижу! Не садись на пенёк, не ешь пирожок! Бабушке неси!

Медведь пугался:

— Откуда ты видишь? Короб закрытый!

— А я вижу! — говорила Маша. — Я всё вижу! Иди, не садись!

Медведь шёл дальше. Устал, хотел сесть на пенёк — а Маша из короба:

— Не садись на пенёк! Не ешь пирожок!

Медведь вставал и шёл дальше.

Так и дошёл до деревни. Поставил короб у ворот бабушкиного дома и постучал:

— Эй, бабушка! Внучка ваша гостинцев прислала!

А из короба — Машин голос:

— Бабушка, дедушка, это я! Открывайте!

Бабушка с дедушкой выбежали, открыли короб — а оттуда Маша. Живая, румяная, с пирогами.

Медведь увидел — и ахнул. Хотел броситься, а дедушка с бабушкой уже вилами машут, собаки лают. Медведь повернулся и убежал в лес.

Маша осталась дома. Долго её расспрашивали, как она жила у Медведя. Она рассказывала — и про кашу, и про мёд, и про то, как Медведь уходил и возвращался. А потом сказала:

— Он не злой был. Он просто одинокий. Он меня не съел бы. Он бы так и жил со мной, и ходил бы за мёдом, и возвращался бы. Только я не хотела так жить. Я хотела домой.

Бабушка покачала головой:

— Ох, Маша. Ты у нас умная. Слишком умная. Не ходи больше в лес.

— Не пойду, — сказала Маша.

И не пошла. Но иногда, по ночам, когда ветер шумит в трубе, ей кажется, что она слышит, как кто-то большой и одинокий ходит вокруг деревни и вздыхает. И она знает, кто это. Но не боится.

Потому что она поняла: Медведь — он не тот, кто ест. Медведь — тот, кто хочет, чтобы кто-то остался. А остаться — это не всегда хорошо. Иногда лучше уйти. Даже если в коробе. Даже если с пирогами.

Вот и вся сказка. А ты, если встретишь того, кто хочет, чтобы ты остался, — подумай: а тебе это надо? Может, лучше вернуться домой. К бабушке. С пирогами. Пока ещё есть кому нести.

Сказка про Золотую Рыбку

Жил-был на берегу синего моря старик. Была у него избушка, покосившаяся от старости, да старуха — сварливая, усталая, с руками, натруженными за долгую жизнь. Жили они бедно. Старик ловил рыбу, старуха пряла пряжу. И так — год за годом.

Однажды закинул старик невод. Ждал долго, а когда вытащил — бьётся в нём одна рыбка. Не простая: вся золотая, чешуя так и светится, а глаза — человеческие, умные.

И вдруг рыбка заговорила:

— Отпусти меня, старик. Я тебе за это всё, что хочешь, сделаю.

Старик удивился, но рыбку не взял. Разжал руки и отпустил в море.

— Иди, — сказал. — Мне ничего не надо.

Пришёл домой. Старуха спрашивает:

— Ну что, много поймал?

— Одну рыбку. Да отпустил.

— Как отпустил?! — всплеснула руками старуха. — Хоть бы корыто у неё попросил! Наше-то совсем рассохлось!

Пошёл старик к морю. Кликнул рыбку. Она приплыла.

— Что тебе, старик?

— Старуха моя сердится. Просит корыто.

— Иди, — говорит рыбка. — Будет вам корыто.

Вернулся — новое корыто стоит.

На следующий день старуха пуще прежнего:

— Дурак ты, дурак! Корыто выпросил, а изба-то вон какая — того и гляди завалится! Попроси избу новую!

Пошёл старик к морю. Море потемнело, волны заходили.

— Что тебе, старик?

— Старуха моя пуще прежнего бранится. Избу новую просит.

— Иди. Будет вам изба.

Вернулся — стоит новая изба, светлая, с резными наличниками. А старуха уже на крыльце сидит, руки в боки:

— Что ж ты, старый, избу выпросил, а сам в лаптях ходишь? Попроси, чтоб я барыней стала!

Пошёл старик к морю. Море почернело, волны бьют, пена клубится.

— Что тебе, старик?

— Старуха моя совсем покоя не даёт. Барыней хочет быть.

— Иди, — говорит рыбка. — Будет она барыней.

Вернулся — старуха в шёлках да в бархате, вокруг неё слуги суетятся. А она и на старика не глядит:

— Пошёл вон, старый! Нечего тут стоять!

День прошёл, другой. Приходит старуха опять:

— Хочу быть царицей!

Пошёл старик к морю. Море совсем чёрное, шумит, и в шуме будто голоса человечьи.

— Что тебе, старик?

— Старуха моя совсем с ума сошла. Царицей хочет быть.

— Иди, — говорит рыбка. — Будет она царицей.

Вернулся — старуха на троне сидит, в короне, вокруг бояре да воеводы кланяются.

Прошла неделя. Приходит старуха — а сама уже не та: глаза злые, голос хриплый.

— Хочу быть владычицей морскою! Чтобы сама рыбка золотая мне служила и была у меня на посылках!

Пошёл старик к морю. Море чёрное, как смоль. Волны ревут. И в этом рёве — не голоса, а вой.

— Что тебе, старик?

— Прости, рыбка. Старуха моя совсем обезумела. Хочет быть владычицей морскою, а тебя — на посылках.

Замолчала рыбка. Посмотрела на старика — а глаза у неё не человеческие уже, а какие-то глубокие, как само море. И сказала тихо:

— Иди домой, старик. Будет тебе.

Повернулась и ушла в глубину.

Пошёл старик обратно. И видит: стоит на берегу старая избушка, покосившаяся. А на пороге — старуха. В старом платье, с прялкой в руках. Сидит и пряжу прядёт, как прежде.

— Опять ты, старый, — говорит. — Где ходишь? Ужин стынет.

Старик сел рядом. Долго молчали.

— Старуха, — сказал он наконец.

— Чего?

— А давай так жить. Без корыта нового. Без избы. Без всего.

Она посмотрела на него. И вдруг — то ли усмехнулась, то ли вздохнула:

— Дурак ты, старый. Я ж не из-за корыта. Я из-за того, что ты меня не видел. Всю жизнь я у печи, я в тени, я никто. А захотелось хоть раз — чтобы увидели.

— Я вижу, — сказал старик.

— Поздно видишь.

И ушла в дом.

А старик сидел на берегу до ночи. И море было тихое, спокойное. И больше он ту рыбку не звал. Никогда.

А рыбка... Говорят, она до сих пор плавает в синем море. Золотая, с человечьими глазами. И ждёт — не старика, нет. Ждёт, когда кто-нибудь придёт и попросит то, что нельзя дать. Тогда она скажет: «Иди домой. Будет тебе». И заберёт всё.

Но никто не идёт. Все боятся. И правильно.

Вот и вся сказка. А ты, если поймаешь золотую рыбку, — подумай: а нужна ли тебе новая изба? Может, тебе нужна не изба. Может, тебе нужно, чтобы кто-то тебя увидел. Так скажи это сразу. И не проси лишнего. Особенно у моря.

Сказка про Лешего

Жил-был в одном селе мужик по имени Егор. Был он человеком работящим, но с одной слабостью: любил выпить. Как получит деньги — так и несёт их в кабак. А потом идёт домой через лес, шатаясь, и поёт песни. И вот однажды пошёл он так поздно, в самую глухую пору, и заблудился.

Шёл он, шёл, и вдруг понял: место знакомое, а дороги нет. Будто лес вокруг него переставился, как мебель в чужом доме. И тишина. Ни птицы, ни ветра. Только его собственные шаги.

И тут он услышал смех.

Тонкий, дребезжащий, будто кто-то хихикает в кустах. Егор обернулся — никого. Пошёл дальше — снова смех. А потом из-за дерева вышел старик. Маленький, сгорбленный, в рваном зипуне, борода мохом поросла, а глаза — зелёные, как болотная тина. И руки длинные, до колен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.